

Проблема. Вишневый сад рабочих и крестьян

Баймухаметов С.

Размышления о прошлом и настоящем над страницами последней, предсмертной пьесы Чехова, написанной 100 лет назад

- Гайдар нас ограбил, Чубайс всю страну кинул как последнего лоха, а вы, писаки, называете их реформаторами!

Так сразу и начал нашу встречу мой одноклассник Сашка Зубарев, бывший токарь-расточник шестого разряда с некогда мощного оборонного завода "Авангард". Тяжкий был разговор. Но поскольку мы друзья детства, то орали друг на друга, не обижаясь.

- Это нас, интеллигенцию, по миру пустили! - наступал я. - Дали нам бумажки-ваучеры. А вы, работяги, заводы получили! Понимаешь, за-во-ды!!!

- На хрен мне нужен этот завод! - кричал Сашка. - Что я с ним делать буду? Ты знаешь, что директор сразу окружил завод какими-то фирмочками и все деньги туда перекачивал?!

- А ты куда смотрел, ты же акционер, хозяин?!

- Да какой я хозяин? Это все ваши слова из газет. Да и продал я акции давно... Все продашь, когда зарплату по полгода не платят.

- Вот видишь, ты свои акции по дешевке чужому дяде спустил, а теперь плачешься...

- Да вам всегда легко говорить! - взорвался Сашка. - Тебе ни есть, ни пить не надо, лишь бы писать свое, а нам надо жить. Да и что мы понимаем в этих акциях?!

И вдруг в токаре шестого разряда Сашке Зубареве я увидел... помещицу, дворянку Любовь Андреевну Раневскую. Ту самую, из великой, как показало время, пьесы Чехова. Говорю не из любви к парадоксам, советские рабочие и крестьяне повторили сегодня судьбу чеховских дворян...

"Вишневый сад" Чехов назвал комедией.

Корифеи Художественного театра на обозначение жанра не обратили внимания и ставили драму. По схеме "класс уходящий - класс приходящий".

"Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой?" - жаловался Чехов в письме к Ольге Книппер. - "Немирович и Алексеев (Станиславский. - С.Б.) в моей пьесе видят положительно не то, что я писал, и я готов дать какое угодно слово, что оба ни разу не прочли внимательно моей пьесы".

Время показало, что и Чехов здесь сильно заблуждался. Иногда сам художник не в состоянии оценить и понять то, что вышло из-под его пера. Точно так же Сервантес и Стивенсон искренне считали, что они написали пародии на рыцарский и пиратский романы. Так и Чехов настаивает на комедийности "Вишневого сада". Хотя из всех персонажей с некоторой условностью комедийным можно считать разве что Гаева, который на все разумные предложения Лопухина отвечает: "Кого?.. Дуплет в угол... Круазе в середину..."

Чехов вольно или невольно попал в драматический нерв времени. Россия крестьянская, крепостная, феодальная становилась Россией промышленной, буржуазной, капиталистической. Изменялся жизненный уклад. И уже первые люди на собраниях, в обществе - не томные или буйные потомки древних фамилий, не властители дум поэты и историки, не гвардейские офицеры, а заводчики, банкиры, плебеи с большими деньгами, во фраках, лопающихся на тучных телесах, с манерами вчерашних конюхов, приказчиков или шулеров. "Чистая" Россия отшатнулась. Но деньги есть деньги. Морщились, брезговали, но ели и пили, брали. А деятели художественно-театрального мира, получая от купцов и промышленни-

ков немалые суммы на "святое искусство", при этом не стеснялись в открытую презирать своих меценатов, насмеялись над ними, называли их тит титычами.

И естественно, как реакция на происходящее в обществе вспыхнули ностальгические чувства по прошлому, по угасающим "дворянским гнездам". Отсюда - "красивый вишневый сад", "благородный уход дворянства", белое платье Раневской... В это же время Бунин пишет дворянско-ностальгические "Антоновские яблоки", про которые один-единственный критик осмелился заметить, что "эти яблоки пахнут отнюдь не демократически".

И в советские времена художественная интеллигенция видела в пьесе только "беспомощную и наивную Раневскую", "красивый сад" и "грубого капиталиста Лопухина".

Да, Ермолаю Лопухину не повезло больше всех. В нем увидели наступление "его препохабия капитала". Одна из тогдашних газет назвала его "кулаком-торговцем". И снова тщетно протестовал Чехов: "...роль Лопухина центральная. Если она не удастся, то, значит, и пьеса вся провалится. Лопухина надо играть не крикуна, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек".

Увы. Глас вопиющего. Удивительно, но в целом демократически настроенная пресса того времени, гневно осуждающая недавнее позорное крепостничество, тем не менее никак не хотела понимать и принимать Лопухина, внука и сына крепостного. Потому как богач. Если б он был сирым и убогим, просил подаяния на паперти, разбойничал на дорогах или околачивался в кабаках, его бы жалели, им бы восхищались, видели в нем "жертву гнусной русской действительности". А молодой, здоровый и предприимчивый русский мужик Ермолай Лопухин тогдашним публицистам, а тем более эстетствующим критикам и на дух не был нужен.

Не спасло Ермолая крестьянское происхождение и в советские времена. В бездельнике и приживале Пете Трофимове коммунистические идеологи видели чуть ли не провозвестника будущего, а Лопухин был "капиталист".

К тому же новые, уже советские эстеты, радеющие о "духовности", снова да ладом стали повторять обвинения в "бездушном прагматизме", уже прозвучавшие в начале века в адрес Лопухина с "его проектом сдачи вишневого сада под выгодные дачи".

И почему-то ни тогда, ни в наши дни никому в голову не пришло, что Лопухин вовсе не сад хотел вырубить и "красоту сгубить" - он людей, людей спасал! Эту самую Раневскую и этого самого Гаева. Потому что помнил случайную ласку барыни Раневской в детстве, когда отец в кровь разбил ему лицо. На всю жизнь запомнил ее добрые слова, утешение и теперь, когда появилась возможность, решил отплатить добром за добро. Не о теориях, не о "любви к красоте", а о простой человечности, о желании помочь беспомощным людям - вот о чем думает Лопухин!

Это не я придумал. Это все написано у Чехова черным по белому. Другое дело, что не заметили. Хотели и хотим видеть то, что хотим.

Но самый сильный удар получил Ермолай Лопухин уже в новейшие времена. И опять же от журналистов-эссеистов, на этот раз пишущих не о "красоте" или "духовности", а рьяно дующих в трубы "рыночной экономики". В газетах замелькали статьи, авторы которых провозгласили Лопухина - кем бы вы думали? - предтечей и родоначальником "новых русских". Ура! Прямая преемственность поколений! Мы вместе поднимаем Россию!

Никто не подумал, что суть не в деньгах, а в их происхождении.

Лопухин - естественное проявление русской жизни времен перехода от феодализма к капитализму. Отец, получив "вольную", завел дело, сын - продолжил: "Я весной посеял маку тысячу десятин и теперь заработал сорок тысяч чистого". Все - своим умом и горбом.

А капитал "новых русских" - это разграбленное всенародное достояние. Причем в воровстве трогательно объединились старые партийно-советские начальники, новые демократические скорохваты и вечные во все времена уголовники.

Лопухины действительно создавали новую Россию. А нынешние мироеды могут ее запросто погубить. Поскольку нагло пируют во время чумы на глазах ограбленного народа. Ведь многие идут под красные знамена не столько из любви к коммунистам, сколько из есте-

ственного чувства людей обманутых и оскорбленных. По данным ВЦИОМа, 52 процента россиян возмущены появлением в стране сверхбогатых людей и только 9 процентов относятся к этому "с удовлетворением и с гордостью".

И тогда возникает главный вопрос, который ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) рано или поздно обязан задать россиянам: сколько из нас, возмущенных, готовы к насильственному пересмотру итогов приватизации или согласны с ней? То есть речь идет о русском бунте, как известно, бессмысленном и беспощадном. А я уверен, что еще одной кровавой революции, еще одной гражданской войны нация не выдержит. Просто-напросто перестанет существовать.

Говорю не из любви к парадоксам, советские рабочие и крестьяне повторили сегодня судьбу чеховских дворян. Гаев и Раневская могли выжить и даже подняться, сдав участки в аренду. Лопахин сто раз им предлагал. А в ответ слышал от Гаева: "Кого?.. Дуплет в угол... Круазе в середину..." Раневская и Гаев - бледные немочи, люди, не способные ни на что, у них даже инстинкт самосохранения выродился.

Современные Лопахины в самом начале экономических реформ сто раз предлагали рабочим: "Поймите, юридически вы - хозяева заводов, давайте, пока не поздно, перейдем на выпуск другой продукции, которую будут покупать!" А в ответ слышали: "Пусть директор решает, мы-то че. Только директор не чешется". Лопахины убеждали: "Но ведь вы - хозяева, выберите себе толкового директора!" Рабочие же, переглянувшись, решали: "Пойдем пивка попьем, че зря сидеть. Делать все равно нечего". То есть то же самое: "Кого?.. Дуплет в угол... Круазе в середину..."

И тогда современные Лопахины отступились. Каждый бормотал про себя, как тот чеховский Лопахин: "Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу!"

И ушли. Судьба заводов, фабрик, рабочих ныне известна. Известны также состояния директоров, бывших министров, шустрых говорунов-демократов и прочих приватизаторов.

Века иждивенчества привели к генетическому вырождению особей, составлявших дворянство. То же самое с вечными трудягами рабочими и крестьянами. Советские десятилетия социального иждивенчества, когда все решали за них, привели их к тому же.

В результате - ослабленная воля, нежелание думать о себе и своей судьбе, неспособность к принятию решений. Стремление спрятаться, уйти от проблем, непонятных разговоров. Типичный раневско-гаевский комплекс.

Едкий, желчный человек Бунин, считавший все пьесы Чехова надуманными и слабенькими, ехидно заметил по поводу собственно жизненной, реальной основы сюжета: "Какой хозяин, помещик засадит огромный сад вишнями. Да не бывало такого никогда!"

Бунин имел в виду, что нелепо весь сад засаживать вишнями; в барских усадьбах вишневые деревья составляли только часть сада. Однако примем чеховский вишневый сад как отдельный, частный случай, который стал символом.

Но если продолжить бунинские параллели, то ни один нормальный человек не станет "засаживать" такую штуку, как социалистическая экономика. Однако же она существовала. На громадных пространствах стран и народов. И эти гигантские бесполезные заводы, сами себя не могущие прокормить колхозы и совхозы памятны и дороги миллионам людей как часть их жизни, их молодости. Точно так же, как дорог был несчастной Раневской ее вишневый сад: убыточный, плодоносящий раз в два-три года...

И их надо просто понимать. Историю не перепрыгнуть. Но все-таки люди что-то могли решить и повернуть по-своему. И, наверно, еще могут. Те самые токари, пекари и пахари. Особенно если учесть, что Лопахины, Морозовы, Мамонтовы к нам в свое время не с неба свалились, а вышли из тех же рабочих и крестьян. Как говорила моя тарусская соседка баба Мотя, все люди одинаковые, только спинжаки у них разные.

И головы, добавлю я, не претендуя на оригинальность суждения.